

Е. Л. Конявская
ИРИ РАН, Москва, Россия. ekonayvskaya@gmail.com

ДУХОВНЫЕ И НРАВСТВЕННЫЕ ЦЕННОСТИ В ЗАВЕЩАНИЯХ РУССКИХ КНЯЗЕЙ И КНЯГИНЬ XV в.

В статье представлен материал завещаний русских князей и княгинь XV в., позволяющих судить о ценностных ориентациях русских правителей, нравственных нормах, а также индивидуальных личностных установках.

Ключевые слова: завещания, князья и княгини XV в., духовные ценности, попечение о членах семьи, драгоценные предметы церковного обихода, раскаяние и искупление грехов

Анализ завещаний русских князей XV в. важен со многих точек зрения, и этот материал не был обойден вниманием исследователей. Духовные грамоты многократно использовались как источник ценнейших данных в отношении различных аспектов русской истории, генеалогии, повседневной жизни и др.

Интересно посмотреть на эти источники с позиций содержащегося в них материала, касающегося ментальных установок, жизненных позиций и ценностей русских правителей. Что стоит на первом месте при изъявлении последней воли князя или княгини? Какие позиции оказываются обязательными для всех завещаний и в каких случаях мы встречаемся с яркими проявлениями личности?

Духовные и нравственные ценности, о которых заявлено в заглавии, рассматриваются, с одной стороны, в прямом смысле слова – как феномены, имеющие отношение к церкви и христианской вере, с другой – как феномены, отражающие нравственные установки.

Какого типа тексты могут быть отнесены к этой категории?

В большинстве завещаний имеются статьи о передаче на чье-то **попечение** вдовы и детей. При этом такая статья часто сочетается со статьей, где князь поручает сына/детей своей княгине. Сходные по содержанию тексты могут располагаться в начале и в конце завещания. «Приказываю своего сына своей княгине» встречается в начале акта. В завершении же грамоты читается: «А приказываю своему брату старейшему, жаловати и печаловатися моим сыном и моею княгинею, и моими детми». В последнем случае, как правило, речь идет о близком и довольно могущественном родственнике. В чем суть существования таких, казалось бы, близких статей? Очевидно, первый тип статьи следует расценивать как поручение вдове гарантировать соблюдение порядка и норм, установленных для детей внутри семьи. В завещаниях зачастую ситуации, когда княгиня должна действовать предписанным образом, изложены достаточно подробно [Кучкин, 2003]. Практика показывает, что с разным успехом вдовы княгини стремились стать гарантами исполнения завещаний [Конявская, 2020б; Конявская, 2022а]. На «старейших братьев» же (порой не братьев в родственном смысле) налагались обязательства покровительства, помощи и защиты от сложностей и угроз «внешнего» характера. Неслучайно рядом с «печаловатися» зачастую читается «боронити».

Сама формулярность этих статей (равно как и других, которые будут анализироваться далее) не отменяет их значения для рассмотрения вопроса о ценностных ориентирах наших предков. Собственно, традиция – это образец, по крайней мере для сознания человека Средневековья. И следование ей подтверждает непреложность этих нравственных императивов.

В своем первом завещании 1406–1407 гг. Василий Дмитриевич заботу и попечение о княгине и сыне «покладает» на Бога, своего двоюродного дядю Владимира Андреевича и братьев

Андрея и Петра, добавляя, что они должны ими «печаловатися» «по докончанию». Однако согласно договору 1402–1404 гг. великого князя с Владимиром Андреевичем, напротив, Василий Дмитриевич должен будет «боронити» и «печаловатися» о княгине и детях старшего по возрасту родственника. В договоре 1403–1406 гг. Василия Дмитриевича с братьями вариант того, что Бог «отведет» его раньше, чем младших братьев, рассматривается, но слов о печаловании нет, братья обязуются лишь не обижать вдову и его детей, не нарушая их владельческих прав.

К моменту составления второго и третьего завещаний Василия I Владимира Андреевича уже не было в живых. Печаловаться о княгине и детях Василий теперь приказывает «своему брату и тистю, великому князю Витовту», который обещал ему такое попечение («ми рекль»). Перечислены и младшие братья великого князя с прибавлением по сравнению с первым завещанием тех, которые достигли теперь совершеннолетия.

При этом традиционная фраза о поручении сына княгине в первом завещании отсутствует, хотя сын и княгиня упоминаются во вводной части (князь дает княгине и сыну «ряд»). В это время у Василия был только один сын – Иван (умер в 1417 г.). Однако в заключительной статье о попечении оставляемых членов семьи указаны «дети», то есть подразумеваются и дочери князя. Во втором и третьем завещаниях называется уже сын Василий. А фраза о поручении его княгине присутствует – читается в начале завещания.

Владимир Андреевич, на которого надеялся Василий Дмитриевич в первом завещании, как уже говорилось, в своей духовной поручает и княгиню, и детей Василию Дмитриевичу, которого называет «братом старейшим» – как князя великого. Именно Василий должен «печаловатися» семьей Владимира. Характерно, что статья идет в начале акта, там, где обычно располагается «поручение» сына княгине.

Завещание Юрия Дмитриевича Звенигородского вовсе не содержит подобных норм. Княгини его уже не было в живых. При составлении завещания Юрий находился в сложном положении, выбор такого рода «гарантов» был невелик, и литовский князь Свидригайло, переживавший не лучшие периоды своей политической карьеры, едва ли мог подойти на такую роль.

В духовной Василия Васильевича есть обе статьи, а первая из них (поручение княгине сына) еще и повторена в заключительной части. В начале читается текст: «Приказываю свои дѣти своеи кн(а)г(и)нѣ»; в конце: «А дети свои приказал есмь своеи кн(а)г(и)нѣ»¹.

Печалование княгиней и детьми он возлагает на «брата своего» короля польского и великого князя литовского Казимира Ягеллона, ссылаясь на договоренность. Действительно, в договоре 1449 г. Василия II с Казимиром устанавливалась норма, согласно которой тот, кто переживет контрагента, должен будет детьми последнего «печаловатися, какъ и своими дет(ь)ми». Потенциальные вдовы, правда, в эти обязательства не входили².

Завещания второй половины XV в. носят несколько иной характер, составившие их князья не столь влиятельны, как те, о которых шла речь выше (за исключением, конечно, Ивана III). Это завещания Юрия Васильевича Дмитровского (1472 г.), Бориса Васильевича Волоцкого (1477 г.), Андрея Васильевича Вологодского (1479–1481 гг.), Михаила Андреевича Вереяского (1485–1486 гг.), Ивана Борисовича Рузского (1503 г.), Федора Борисовича Волоцкого (1506 г.).

Первый из них – Юрий Васильевич – не был женат. Оставалась мать, но о ней печаловаться он никому не поручал. Андрей Васильевич Вологодский также не имел жены и детей и осо-

¹ РГАДА. Ф. 135 (Государственное древлехранилище хартий и рукописей). Отд. I. Рубр. I. № 21; ДДГ. № 61. С. 194, 197.

² РГАДА. Ф. 389 (Литовская метрика). Оп. 1. Кн. 5. Л. 302 об.–304 об.; ДДГ. № 53.

бого попечения матери не искал. Неженатым и бездетным умер и Иван Борисович Рузский. Его матери к этому времени не было в живых. Также и для Михаила Андреевича Вереяского подобные пассажи оказались неактуальны: жена его умерла, сын бежал в Великое княжество Литовское от опалы, дочь была замужем, все владения он завещал Ивану III и в монастыри.

В завещании же Бориса Васильевича Волоцкого формула печалования представлена в полном виде: «А приказываю своему г(осподи)ну и шпод(а)рю и брату старшему, великому кн(а)зю Ивану Васил(ь)евич(ю), его с(ы)ну, своему г(осподи)ну, великому кн(а)зю Ивану Васил(ь)евич(ю) (ошибочно, должно быть Ивану Ивановичу. – Е. К.), как им Бог положит на с(е)р(а)дце, жаловати и печаловатиса моим с(ы)н(о)мъ Федором, и моею кн(а)г(и)нею, и моими детми»³.

Умерла к моменту составления духовной (1503 г.) и супруга Ивана III, но формула здесь читается – в трансформированном виде («меньшие» дети поручаются старшему сыну): «Приказываю дети своих менших, Юрьа, Дмитрея, Семена, Андрѣа, с(ы)ну своему Васил(ь)ю»⁴.

Федор Борисович Волоцкий писал завещание не перед кончиной, а перед походом на Казань (1506 г.), осознавая возможность своей смерти на поле брани. С этим, видимо, связано нетривиальное преломление формулы: «А приказываю своему г(о)с(по)д(а)рю, великому князю Васил(ь)ю Иванович(ю) всеа Рус(и), свою д(у)шу, как ему Б(о)гъ положит на сердци, жаловат(и) и печаловатис(а) моею кн(а)г(и)нию, и дастъ Б(о)гъ, оу моеи кн(а)г(и)ни с(ы)нъ или доч(ь) будет». Возникает вопрос: не было ли у не так давно женившегося князя и его супруги оснований надеяться на скорое прибавление в семье? Правда, следующая статья рассматривала и самый пессимистический вариант: «А не будет от моеи кн(а)г(и)ни шрода...»⁵.

Что же касается завещаний княгинь, очевидно, что в такой же форме соответствующие статьи не могли существовать, но тексты близкого содержания встречаются.

Из завещаний княгинь XV в. сохранилось три: вдовы Владимира Андреевича Серпуховского Елены Ольгердовны (в иночестве Евпраксии) (1433–1434 гг.⁶), вдовы великого князя Василия Дмитриевича Софьи Витовтовны (1451 г.), вдовы Бориса Васильевича Волоцкого Ульяны (Юлиании) Михайловны (1503 г.).

В духовной Юлиании такого текста нет [Конявская, 2023, с. 68]. Грамоты же Елены Ольгердовны и Софьи Витовтовны подобные статьи содержат, и располагаются они в начале акта. В духовной вдовы Владимира Андреевича видим: «Бью челомъ своему г(осподи)ну, великому княз(ю) Василью Васильевич(ю), | и своеи г(оспо)жѣ, великой княгинѣ Софьи, и приказываю свои снохи, по грамотѣ своего г(осподи)на, княж Воло|димеровѣ Андрѣевич(а), чтобы г(осподи)нъ мои, княз(ь) велики, пожаловал, печа[ло]валса моими снохами, чтобы бы|ли не обидны» [Русские княгини, Прил. 5, с. 548].

В завещании вдовы Василия Дмитриевича (Софьи Витовтовны) эта статья сохранилась с большими утратами: «А при|[казываю]... [мое]му с(ы)ну, великому кн(а)зю Васил(ь)ю Васил(ь)евич(ю). А г(о)с(по)ди нъ мои, с(ы)нъ мои, великии кн(а)зъ Василеи Василевич, печа|[дуетъ]...» [Конявская, 2020а, с. 169]. Учитывая характер подобной статьи в завещании Елены Ольгердовны, можно думать, что речь и здесь идет о женской части родственников Софьи. Сноха ее – великая княгиня Мария – упоминается в духовной грамоте (она была женой

³ РГАДА. Ф. 135. Отд. 1. Рубр. I. № 24; ДДГ. № 71. С. 251.

⁴ РГАДА. Ф. 135. Отд. 1. Рубр. I. № 34; ДДГ. № 89. С. 354.

⁵ РГАДА. Ф. 135. Отд. 1. Рубр. I. № 37; ДДГ. № 98. С. 409.

⁶ Ранее завещание датировалось автором этих строк более широко – 1433–1437 гг. [Конявская, 2023, с. 66]. Однако имеет смысл согласиться с доводами А. Б. Мазурова, который отмечает, что в завещании «нет следов бурной борьбы весны – лета 1434 г.», и считает, что духовная была составлена не позднее начала 1434 г., учитывая, что долг снохам в момент его написания Василием Васильевичем еще не был выплачен (такая «ситуация не могла существовать слишком долго») [Русские княгини, Прил. V, с. 545].

здравствующего сына Софьи). Говорится в завещании Софьи и о княгине Евфросинии, вдове брата Василия Дмитриевича – Петра Дмитриевича. Возможно, были живы (но пребывали в монастырях) и другие родственницы вдовствующей княгини, о которых после преставления Софьи должно печаловаться ее сыну.

К категории нравственных и духовных ценностей следует отнести и высказывания, касающиеся вкладов по душе – непосредственно в монастыри или **наказ о душе** членам семьи, старшему брату. Такого рода статьи есть в первой духовной Василия Дмитриевича, завещании Владимира Андреевича и др.

В истинно «духовной», не соединенной с перечислениями материальных феноменов форме эти статьи читаются в завещаниях братьев Юрия и Андрея Васильевичей. У Юрия: «А приказываю свою дшшꙋ своеи шпод(а)рыни, матери своеи, великой кн(а)г(и)нѣ, да г(осподи)нꙋ своемꙋ, великомꙋ кн(а)зю, дшшꙋ свою поманꙋти и долгꙋ свои заплатити»⁷. У Андрея: «А приказываю д(ш)шꙋ свою поманꙋти, и долгꙋ заплатити, и все розправити по своем животꙋ г(осподи)нꙋ своемꙋ, братꙋ своемꙋ старꙋшимꙋ, великомꙋ кн(а)зю Иванꙋ Васил(ь)евичю, положил есми ш всем на Б(о)зѣ да на нем, на своем г(осподи)нꙋ»⁸. Практически тождественная статья читается в завещательном комплексе Михаила Андреевича Верейского, духовной Ивана Борисовича Руского, становясь почти обязательной составляющей формуляра.

Елена Ольгердовна «приказывает свою душу» своим снохам, а также своему внуку Василию Ярославичу поручает «правити по души»⁹ Владимира Андреевича, самой Елены и других умерших потомков [Русские княгини, с. 550]. Юлиания «приказала ... д(у)шу свою с(ы)ну своему Ивану, долгꙋ заплатити и д(у)ша поманути, и по ц(е)рквам раздати» [Русские княгини, с. 563].

Княжеские духовные конца XV – начала XVI в. часто следуют традиции завещания с начальной фразой «что кому дати и у ково что взял» (или близкой к ней). Такого рода начала фиксируются в не княжеских духовных грамотах еще с XIV в., и это в принципе отвечает требованию к формуляру завещания в Эклоге [Семенченко; Конявская, 2022б].

Перечисление долгов – закономерная черта завещаний, и ее нельзя отнести к духовным категориям. Но в целом ряде завещаний в таких статьях со стороны князя есть **признание вины**, а стало быть, раскаяние и желание ее искупить. Борис Волоцкий признает, что «поштоимал» «в своей винѣ»¹⁰ села у Федора Полева и его сына, у Андрея Еропкина и у Ивана Бибикова, и возвращает им села, а княгиня и сын не могут в них впредь вступаться.

Михаил Верейский пишет, что «взл въ своеи винѣ ꙋ Ивашка ꙋ Селиверстова ег(о) вотчинкꙋ, ш(т)ца ег(о) кꙋплю...»¹¹, а затем вернул им взятое с жаловальными грамотами. В момент написания завещания он надеется, что «господин князь великий» в эти земли не будет вступаться, не положит тем самым грех на его душу. Отдельно он распоряжается относительно взятых у того же Ивашки «робы» Федоски с детьми и холопа Гридки Онаньина с женой и детьми: они идут на свободу с отпускными грамотами.

Искупает вину перед племянницей Иван Борисович, который «истерял» ее приданное. Характерно, что за утраченные «платье и суды, и иную ее рухлед(ь)» он «благословляет» ее золотой панагией и серебряным крестом¹².

⁷ РГАДА. Ф. 135. Отд. I. Рубр. I. № 23; ДДГ. № 68. С. 224.

⁸ РГАДА. Ф. 135. Отд. I. Рубр. I. № 25; ДДГ. № 74. С. 277.

⁹ То есть обеспечить поминовение.

¹⁰ РГАДА. Ф. 135. Отд. I. Рубр. I. № 24; ДДГ. № 71. С. 251.

¹¹ РГАДА. Ф. 135. Отд. I. Рубр. I. № 28, 29; ДДГ. № 80. С. 305, 307.

¹² РГАДА. Ф. 135. Отд. I. Рубр. I. № 33; ДДГ. № 88. С. 352.

Очевидно, что такие словесно оформленные признания вины или неверных действий мы встречаем в духовных далеко не всегда. Имплицитно это может выражаться в написании, например, приписной грамоты, корректирующей положения основной духовной. Такая ситуация в отношении последних распоряжений Василия Темного была подробно рассмотрена В. А. Кучкиным [Кучкин, 2019]. Определенно выраженного признания своей неправоты в приписной грамоте нет, князь лишь заявляет: «И чез(о) есмь в ту свою душевную грамоту не вписал, и аз в сю грамоту в приписную написал»¹³.

Драгоценные предметы христианского обихода, включаемые в наследство, тоже должны быть отнесены к категории духовных ценностей. «Святости» часто передаются потомкам, но в завещаниях князей им отводится разное место.

В ряде завещаний такие ценности не просто выделены из прочего наследства, но обозначены в самом начале духовной. Очевидно, что эти князья, передавая их потомкам, придавали церковным ценностям большое значение. Это фиксируется в духовных Ивана Борисовича Рузского и Михаила Андреевича Верейского. Последний именно так расположил статью о том, что великому князю передается «икона Пр(е)ч(и)стаа чюдотворнаа, шбложена с камен(ь)ем да з гривнами, шесть гривен, да двѣ расы жемчужны, да ѸбрѸс сажен, да пелена, сожена жемчухом, да кр(е)сть животворащаг(о) древа шбложен, да икона празники Вл(а)д(ы)чни, рѣзана на перелефти, шбложена серебром»¹⁴. По-видимому, Ивану III это показалось слишком эксцентричным, и в правленном по его приказу варианте статья перенесена ближе к концу акта и церковные святости объединены с другой ценной рухлядью – кружевом кожушным, одеялами и проч. У самого Ивана Васильевича, как и у Юрия Дмитриевича, драгоценные иконы и церковная утварь выделены в отдельные статьи, но помещены в конце духовных.

На первом месте церковные ценности стоят и в завещании Софьи Витовтовны. Она передает сыну ящик с мощами и драгоценный воздвизальный крест. Последовательно первым «благословением» и каждому из внуков оказываются «святости»: Ивану – Пречистая Богородица с пеленою, Борису – икона Феодора Стратилата, «выбита на серебре» [Конявская, 2020а, с. 171], Андрею – икона Космы и Дамиана, любимому внуку Юрию она предназначает «с(вя)тую икону Преч(и)стую Б(огороди)цю, болшую икону стѣнную съ пеленою и съ оубрусцы» [Конявская, 2020а, с. 170]. Передается одна из икон и снохе – великой княгине Марии. Остальные «святости» – кресты, иконы и мощи – передаются внуку Юрию.

Юлиания Михайловна также в своем завещании ставит церковные предметы на первое место, передавая ценности сыновьям и снохе. Но затем в том же ряду идут и прочие драгоценные предметы (колпак, серьги, ожерелье и проч.).

Таким же образом в большинстве рассматриваемых духовных грамот драгоценные церковные предметы перечисляются вместе с другими ценностями – клетьными и казны. Во втором и третьем завещаниях Василия Дмитриевича в одном ряду идет благословение «страстьми большими» и Филофеевским крестом, золотой шапкой и бармами, драгоценными поясами, коробкой сердоличной, судами, ковшами и проч. Подобным образом строятся соответствующие статьи в духовных Василия Васильевича, Андрея Васильевича, Федора Борисовича.

Владимир Андреевич (равно как и его вдова), Юрий Васильевич и Борис Васильевич церковные драгоценности в завещаниях не упоминают.

Выявленные феномены в завещаниях князей и княгинь XV в. представляются важными для изучения особенностей ментальности составителей актов. Закрепляясь в известной степени в традиции, они обнаруживают существенные вариации в духовных того или иного пра-

¹³ РГАДА. Ф. 135. Отд. I. Рубр. I. № 21; ДДГ. № 61. С. 198.

¹⁴ РГАДА. Ф. 135. Отд. I. Рубр. I. № 28; ДДГ. № 80. С. 301.

вителя. Все это может быть учтено в просопографических исследованиях, создании политических портретов и в других исторических штудиях.

Литература

- Конявская Е. Л. Завещание великой княгини Софьи Витовтовны // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2020. № 1 (79). С. 169–174. DOI 10.25986/IRI.2020.79.1.0012 [Конявская, 2020a]
- Конявская Е. Л. Данные о русских княгинях в княжеских завещаниях и договорных грамотах XIV – начала XVI в. // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2020. № 3 (81). С. 180–184. DOI 10.25986/IRI.2020.16.43.014 [Конявская, 2020b]
- Конявская Е. Л. Великая княгиня Евдокия Дмитриевна («Слово о житии и о преставлении великого князя Дмитрия Ивановича» и Второе завещание Дмитрия Донского) // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2022. № 3 (89). С. 34–41. DOI 10.25986/IRI.2022.8.89.004 [Конявская, 2022a]
- Конявская Е. Л. Княжеские завещания конца XV – начала XVI в. как источник информации о статусе и жизни русских княгинь // Археография и источниковедение Сибири. Новосибирск, 2022. Вып. 41. Литература и история в контексте археографии. С. 46–56. [Конявская, 2022b]
- Конявская Е. Л. Завещания русских княгинь (XV – начало XVI в.) // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2023. № 3 (93). С. 66–71. DOI 10.25986/IRI.2023.93.3.006
- Кучкин В. А. Завещание Василия II и приписная к нему грамота // Труды Института российской истории РАН. М., 2019. Вып. 15. С. 21–35.
- Кучкин В. А. Последнее завещание Дмитрия Донского // Средневековая Русь. М., 2003. Вып. 3. С. 106–183.
- Русские княгини и их дворы в XI–XVI веках / Корзинин А. Л., Шишкин В. В., Конявская Е. Л. и др.; под ред. А. Л. Корзинина. М.; СПб., 2023. 599 с.
- Семенченко Г. В. Византийское право и оформление русских завещаний XIV–XV вв. // ВВ. М., 1986. Т. 46. С. 164–173.

References

- Konyavskaya, E. L. Zaveshchanie velikoi knyagini Sof'i Vitovtovny [The Testament of Great Princess Sofya Vitovtovna]. In *Drevnyaya Rus'. Voprosy medievistiki*. 2020. No. 1 (79). Pp. 169–174. DOI 10.25986/IRI.2020.79.1.0012 [Konyavskaya, 2020a]
- Konyavskaya, E. L. Dannye o russkikh knyaginyakh v knyazheskikh zaveshchaniyakh i dogovornykh gramotakh XIV – nachala XVI v. [Data about Russian Princesses in Testaments Treaties of the 14th – Beginning of the 16th Century]. In *Drevnyaya Rus'. Voprosy medievistiki*. 2020. No. 3 (81). Pp. 180–184. DOI 10.25986/IRI.2020.16.43.014 [Konyavskaya, 2020b]
- Konyavskaya, E. L. Velikaya knyaginya Evdokiya Dmitrievna (“Slovo o zhitii i o prestavlenii velikogo knyaza Dmitriya Ivanovicha” i Vtoroe zaveshchanie Dmitriya Donskogo) [Great Princess Evdokia Dmitrievna (“Slovo o Zhitii i o Prestavlenii Dmitriya Ivanovicha” and the Second Testament of Dmitry Donskoy)]. In *Drevnyaya Rus'. Voprosy medievistiki*. 2022. No. 3 (89). Pp. 34–41. DOI 10.25986/IRI.2022.8.89.004 [Konyavskaya, 2022a]
- Konyavskaya, E. L. Knyazheskie zaveshchaniya kontsa XV – nachala XVI v. kak istochnik informatsii o statuse i zhizni russkikh knyagin' [Princely Testaments of the Late 15th – Early 16th Century as a Source of Information about the Status and Life of Russian Princesses]. In *Arkheografiya i istochnikovedenie Sibiri*. Novosibirsk, 2022. Issue 41. Literatura i istoriya v kontekste arkheografii. Pp. 46–56. [Konyavskaya, 2022b]
- Konyavskaya, E. L. Zaveshchaniya russkikh knyagin' (XV – nachala XVI v.) [Testaments of Russian Princesses (15th – Early 16th Centuries)]. In *Drevnyaya Rus'. Voprosy medievistiki*. 2023. No. 3 (93). Pp. 66–71. DOI 10.25986/IRI.2023.93.3.006
- Kuchkin, V. A. Zaveshchanie Vasiliya II i pripisnaya k nemu gramota [Testament of Basil II, and the Letter of Attribution]. In *Trudy Instituta rossiiskoi istorii RAN*. Moscow, 2019. Issue 15. Pp. 21–35.
- Kuchkin, V. A. Poslednee zaveshchanie Dmitriya Donskogo [The Last Testament of Dmitry Donskoy]. In *Srednevekovaya Rus'*. Moscow, 2003. Issue 3. Pp. 106–183.

Russkie knyagini i ikh dvory v XI–XVI vekakh [Russian Princesses and Their Courts in the 11th – 16th Centuries]. Korzinin A. L., Shishkin V. V., Konyavskaya E. L. et al.; ed. A. L. Korzinin. Moscow; Saint Petersburg, 2023. 599 p.

Semenchenko, G. V. Vizantiiskoe pravo i oformlenie russkikh zaveshchaniy XIV–XV vv. [Byzantine Law and the Execution of Russian Testaments of the 14th – 15th Centuries]. In *Vizantiiskii vremennik*. Moscow, 1986. Vol. 46. Pp. 164–173.

Elena L. Konyavskaya

Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

SPIRITUAL AND MORAL VALUES
IN THE TESTAMENTS OF RUSSIAN PRINCES AND PRINCESSES OF THE 15th CENTURY

The article presents material from the testaments of Russian princes and princesses of the 15th century, which makes it possible to assess the values of Russian rulers, their moral standards, as well as individual personal attitudes.

Keywords: Old Russian, testament, Russian princesses, possessions of the 15th century, spiritual values, care for family members, precious church items, repentance and atonement for sins